

ЖИРАФА В ШОКОЛАДЕ

или Смертельный рецепт
идеальной жизни

МАРИНА ЛИС

Марина Лис

**Жирафа в шоколаде,
или Смертельный рецепт
идеальной жизни.**

«Автор»

2026

Лис М.

Жирафа в шоколаде, или Смертельный рецепт идеальной жизни. /
М. Лис — «Автор», 2026

Её блог читает только мама. Бывший муж предлагает бесплатно отрезать ей уши. А кот маринует калькуляторы в миске с водой. Знакомьтесь — Алиса Жирафова, уволенный фуд-фотограф с уникальным носом и полным отсутствием везения. Когда Алиса получает заказ на эко-фуршет от королевы инстаграма Вероники Миланской, она думает, что это шанс выбраться из финансовой ямы. Но вместо обсуждения меню она становится свидетельницей смерти: Вероника падает замертво, выпив свой «волшебный детокс-смузи». Полиция списывает всё на больное сердце. Вот только Алиса чувствует запах, которого там быть не должно. Запах горького миндаля. Цианид. Ей никто не верит. Циничный майор Демидов поднимает её на смех. Убийца тем временем понимает: эта высокая, нескладная рыжая повариха — единственная, кто способен вывести его на чистую воду. И теперь Алисе предстоит не просто раскрыть преступление, а остаться в живых. В этом ей помогут гениальный сын-хакер, дочь-ведьма, плетущая ловцы снов, мопс-ищейка и кот.

© Лис М., 2026

© Автор, 2026

Марина Лис

Жирафа в шоколаде, или

Смертельный рецепт идеальной жизни.

«Жирафа в шоколаде, или Смертельный рецепт идеальной жизни»

Содержание

Пролог.

Глава 1. В которой мой блог умирает, кот готовит ужин, а бывший муж предлагает отрезать мне уши.

Глава 2. В которой майор Демидов не верит в мой нос, а я начинаю верить в убийство.

Глава 3. В которой я нанимаю себя на работу, Егор взламывает Вселенную, а Пончик находит главного подозреваемого.

Глава 4. В которой я становлюсь детективом под прикрытием, а кот Борщ — соучастником.

Глава 5. В которой я посещаю храм здорового цинизма, а мой нос находит новую жертву.

Глава 6. В которой майор Демидов разбивает мои надежды, а неизвестный — фару моего автомобиля.

Глава 7. В которой мой бывший муж объявляет войну, а майор Демидов приходит пить чай.

Глава 8. В которой мы заключаем временное перемирие, а кот Борщ проводит допрос с пристрастием.

Глава 9. В которой я становлюсь приманкой, а майор Демидов — моей тенью.

Глава 10. В которой маски слетают, а запах предательства становится невыносимым.

Глава 11. В которой я становлюсь бестселлером, мопс получает медаль, а майор Демидов учится улыбаться.

Пролог

Идеальная жизнь пахла кинзой и предательством.

Именно этот запах — приторный, травянистый, отдающий мылом и сырой землей, — плыл над столешницей из отбеленного дуба, смешиваясь с ароматом свежавыжатого сока сельдерея и дорогой, едва уловимой парфюмерной композицией, созданной специально для той, что сейчас стояла ко мне спиной. Ее звали Вероника, и она была богиней этого стерильного храма под названием «идеальная жизнь». Богиней, чье время истекло.

Я смотрел на нее через стеклянную перегородку зимнего сада, и каждый мускул моего лица был расслаблен, словно у спящего младенца. Никто не смог бы прочесть моих мыслей. Никто и никогда. В этом и заключалось мое главное искусство — носить маску, которая приросла к коже так прочно, что я сам иногда забывал, где заканчивается она и начинаюсь я настоящий. Сейчас от настоящего меня не осталось почти ничего. Только холод. Только пустота. Только многолетняя, выдержанная, как дорогой коньяк, жажда восстановить справедливость.

Вероника Миланская — даже свою вульгарную, выдуманную фамилию она превратила в бренд — легким, танцующим шагом подошла к блендеру. Ее движения были плавными, отрепетированными. Каждое утро она начинала с этого ритуала, транслируя его остаткам своих

восемью миллионов подписчиков в сторис. «Мой волшебный детокс-эликсир, — щебетала она в камеру телефона, закрепленного на штативе. — Всего три ингредиента, и ваша кожа скажет вам спасибо!» Ее кожа действительно была идеальной. Фарфоровой. Как у дорогой куклы, которую упаковывают в шелк и хранят за стеклом. Но внутри этой куклы не было ничего. Пустота. Вакуум. Черная дыра, пожиравшая чужие жизни, чужое счастье, чужую любовь.

Я перевел взгляд на стакан. Тот самый, из граненого хрусталя, с ее инициалами «В. М.», выгравированными витиеватым шрифтом. Он стоял на столешнице, и в нем переливалась изумрудная, густая жидкость. Пахло от нее, как от огорода после дождя, — так она говорила своим гостям, морща аккуратный, слегка подправленный филлерами нос. Святая простота. Верила в детокс, в чакры, в своего гуру Святозара с его стеклянным взглядом и пустыми кошельками его адептов. Она верила во всё, кроме правды, которая стояла прямо перед ней. Правды о том, что ее идеальный мир — это мыльный пузырь, который я собирался проткнуть одним-единственным, почти бесшумным движением.

Пакетик с порошком был крошечным, размером с половину моего мизинца, из плотной биоразлагаемой бумаги — дань ее эко-помешательству. Внутри — смерть без вкуса, цвета и почти без запаха. «Почти» — ключевое слово. Для девяноста девяти процентов людей на планете этот порошок был бы просто безвкусной добавкой, затерявшейся в миксерном взрыве хлорофилла и клетчатки. Но я знал, что есть исключения. Знал, но не боялся. Потому что кто поверит человеку, который утверждает, что учуял запах горького миндаля в стакане с детокс-смузи? Кто поверит чудаку, который скажет: «Я чувствую, что здесь цианид»? Это прозвучит как бред городского сумасшедшего. И уж точно не как аргумент для следствия, которое в нашем славном поселке «Сосновый рай» привыкло иметь дело с кражами садовых гномов и пьяными драками охранников.

Все было рассчитано до секунды. Идеальное время, чтобы ее хватились не сразу. Идеальное место — кухня, куда у нее был доступ круглосуточно, в отличие от меня, человека из «ближнего круга», который и появляться-то здесь мог только с ее высочайшего позволения. Идеальное оружие — яд, который так любят прописывать доморожденные детективы завистливым женам и брошенным любовницам. Слишком шаблонно, слишком предсказуемо... для самоубийства. А для убийства — в самый раз.

Сейчас она допьет свой эликсир, поставит стакан в раковину, и ее сердце — то самое, которое, по ее словам, было «открыто вселенной», — сделает последний удар и остановится навсегда. Никакой вселенной. Никакой любви. Только холодный, беспощадный цианистый калий, блокирующий клеточное дыхание. Она просто захлебнется воздухом, находясь в собственной идеальной кухне.

Скрипнула калитка.

Я чуть повернул голову, не делая резких движений. По гравийной дорожке, цокая каблуками и чуть не падая, торопилась какая-то долговязая, рыжая и, судя по выражению лица, вечно извиняющаяся за свое существование особа. В руках у нее была огромная папка. Новая прислуга? Очередной повар? Какая разница. Это было неучтенной переменной, но паника — удел слабых. Я же просто наблюдал. Все равно она ничего не увидит, ничего не поймет. А даже если и увидит... Тем хуже для нее.

Вероника, ведомая своим птичьим инстинктом, бросила взгляд в окно на незваную гостью, улыбнулась своей отрепетированной улыбкой и, не отрываясь от созерцания этой новой, нелепой фигуры в ее безупречном саду, взяла стакан со столешницы. Ее пальцы с идеальным маникюром обхватили холодный хрусталь. Я задержал дыхание. Не от волнения — от эстетического, почти благоговейного трепета перед красотой момента.

Она поднесла край стакана к губам цвета спелой вишни. Сделала глоток. Второй. Больше не понадобилось.

Сначала она замерла, все еще улыбаясь, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Улыбка стала растерянной. Затем в ее глазах промелькнуло удивление. Не страх. Именно удивление. Как будто вселенная, в которую она так верила, внезапно ответила ей грубым, злым тычком под дых. Стакан выскользнул из ее мгновенно ослабевших пальцев. Хрусталь ударился о каменный пол и разлетелся на миллион крошечных, сверкающих осколков. Вместе с ним разбилась и она сама.

Вероника пошатнулась, схватилась рукой за край стола, сметая на пол стеклянную миску с какой-то органической дрянью, и рухнула на колени прямо в эту мерзкую зеленую лужу с осколками. Ее тело выгнулось в короткой, страшной судороге. Воздух с едва слышным хрипом вырвался из легких. Ее фарфоровое лицо застыло маской недоумения, обращенной к потолку, на который она молилась, как на небеса.

И наступила тишина. Такая глубокая, какая бывает только в момент, когда обрывается чья-то жизнь. Идеальная тишина. Идеальная смерть.

Я позволил себе лишь одну, мимолетную, ледяную улыбку, которую никто не видел. Все прошло именно так, как я планировал. Даже лучше. Потому что теперь на сцене появилась эта рыжая неуклюжая девица с папкой, которая с ужасом заглядывала в окно, не в силах отворить дверь. Идеальный, ничего не подозревающий свидетель. Свидетель, который подтвердит, что «это был несчастный случай».

Я глубоко вдохнул. Воздух в зимнем саду все еще пах кинзой и предательством. Но теперь к этому букету примешался еще один, едва различимый, тонкий и волнующий аромат. Запах моей победы. Я развернулся и бесшумно, как тень, исчез в глубине дома, оставив богиню лежать на полу ее разрушенного храма, а высокую рыжую девушку с застывшим на лице ужасом — на пороге, за которым начинался полный хаос. Хаос, который я так мастерски создал и из которого, я был уверен, мне удастся выйти абсолютно чистым.

Я ошибался.

Всего лишь в одном. Я не учел одного: у этой рыжей девушки был совершенно невозможный, нечеловеческий нюх. И она уже стояла на пороге, втягивая носом воздух, в котором пахло отнюдь не только кинзой.

Глава 1. В которой мой блог умирает, кот готовит ужин, а бывший муж предлагает отрезать мне уши.

Утро понедельника было настолько отвратительным, что даже мопс Пончик, существо с вечно оптимистичной, приплюснутой физиономией, предпочел сбежать под диван и делать вид, что он — диванная подушка. Подушка, надо сказать, получалась из него так себе — слишком громко сопела и пахла псиной. Впрочем, пахла она, наверное, лучше, чем моя жизнь в тот конкретный момент.

Если разложить мою жизнь на ингредиенты, как сложный рецепт из бабушкиной кулинарной книги, получилось бы следующее: сто граммов отчаяния, двести — унижительного безденежья, полкило ворчащего подростка, щепотка восьмилетнего креатива, способного превратить дом в филиал музея современного искусства из мусора, и сверху, как вишенка на этом подгоревшем торте, — эсэмэс от почти бывшего мужа.

Я стояла босиком на холодном кафельном полу нашего крошечного флигеля, который риелтор с гордостью именовал «компактным европейским шале в экологически чистом районе», а я называла «сторожка дяди Тома». Из крана с душераздирающим стоном капала вода. В раковине высилась гора невымытой посуды, напоминавшая инсталляцию на тему «конец цивилизации». И посреди всего этого великолепия, на разделочной доске, припорошенной мукой, лежал мой телефон. Экран его светился, как маяк, предвещающий кораблекрушение.

«Лиса, — гласило сообщение от Льва Борисовича Жирафова, пластического хирурга, обладателя самых холодных голубых глаз и самого теплого счета в швейцарском банке, а также по трагическому недоразумению моего законного, хоть и почти бывшего мужа. — Я тут просматривал твой так называемый „блог“. Это фиаско, дорогая. Тебе стоит задуматься о кардинальной смене имиджа. Я могу сделать тебе коррекцию ушных раковин по старой памяти. Бесплатно. Они у тебя, знаешь ли, слегка оттопырены. Это придает лицу несколько плебейское выражение. Целую. Лев».

Я перечитала сообщение трижды. Сначала меня захлестнула волна чистой, незамутненной ярости. Бесплатно?! Он предлагает мне отрезать уши в качестве благотворительности?! Затем на смену ярости пришла привычная, сосущая под ложечкой тоска. Потому что, если отбросить всю эту хирургическую желчь, по сути, он был прав. Мой блог был фиаско. Грандиозным, оглушительным, вселенским фиаско.

Я взяла в руки надтреснутую кружку с надписью «Лучшей маме на свете» (подарок Егора на восьмое марта, буква «а» в слове «маме» была криво замазана корректором, и теперь там красовалась буква «у», делая надпись двусмысленной и пророческой). Кофе, сваренный в старой турке, пах горечью и безысходностью. Я открыла ноутбук. Страница моего блога «Лиса на кухне» встретила меня пустотой, сравнимой только с пустотой моего банковского счета.

Последний пост назывался «Пять способов приготовить идеальную яичницу, если ваша жизнь — полная катастрофа». Это была моя попытка быть честной. Кухонный реализм. Я выложила пять фотографий: яичница-глазунья, яичница-болтунья, яичница в перце, яичница в хлебе и яичница, которую я уронила на пол, пока фотографировала четвертую. В подписи я душевно, с юмором рассказала, что готовить — это терапия, и даже если ваш бывший муж сейчас в Париже со своей новой фитнес-тренершей, а вы сидите в сторожке, кишасей пауками, вы всегда можете приготовить себе яйцо. Просмотров: 12. Лайков: 1. Единственный лайк поставила моя мама, которая живет в Воронеже и до сих пор путает кнопку «лайк» с кнопкой «поделиться». И, судя по ее странице в Одноклассниках, она поделилась моим постом с комментарием: «У моей Алисы опять всё плохо. Помолитесь за нее».

Я закрыла ноутбук. Молиться нужно было не за меня. Молиться нужно было за мои фотографии. Я, Алиса Львовна Жирафова, в девичестве Громова, была профессиональным фуд-фотографом. Мои снимки украшали обложки трех гляцевых журналов! Я могла заставить тарелку борща выглядеть так, что люди рыдали от его красоты и готовы были продать почку за рецепт. А теперь я фотографирую упавшую на пол яичницу на старенький айфон, и моя мама просит за меня молитвенной поддержки. Вот оно, дно.

Финансовое дно, кстати, имело вполне конкретные очертания. Оно выглядело как две квитанции за коммунальные услуги, придавленные для солидности банкой соленых огурцов. И смс-ка от риелтора Ксюши с напоминанием, что арендная плата за «компактное шале» просрочена уже на неделю. Ксюша присылала смайлик с целующим сердечком, но я знала, что за этим сердечком скрывается стальная хватка женщины, способной выселить нас в течение двадцати четырех часов и даже не помять свой идеально отглаженный пиджак.

Я сделала большой глоток кофе. Он обжег горло. Надо было что-то делать. Срочно. Например, найти работу. Настоящую работу. Не ту, где нужно сидеть в засаде с фотоаппаратом, ожидая, пока пар от тарелки с супом завьется в идеальную спираль, а ту, где платят деньги. Но моя трудовая книжка, если бы она существовала в бумажном виде, а не в смутных обрывках моей памяти, выглядела бы как список мест, откуда меня уволили с пометкой «профнепригодна за излишнюю эмоциональность и съедение реквизита».

— Ма-ам! — прорезал утреннюю тишину голос, похожий на скрежет несмазанного механизма. Это Егор, мой пятнадцатилетний сын, изволил спуститься со второго этажа, который на самом деле был не этажом, а мансардой, где он устроил свой «штаб». — Борщ опять спер мой калькулятор!

Из-под дивана раздалось возмущенное сопение. Пончик хотел внести ясность: он не имеет к этому никакого отношения и вообще он спит.

— Егор, — я повернулась к сыну, стараясь, чтобы мой голос звучал как у буддийского монаха, достигшего просветления, а не как у женщины на грани истерики. — Борщ — это кот. Коты не крадут калькуляторы. Зачем коту калькулятор?

— Откуда я знаю?! — Егор, долговязый, лохматый, в футболке с надписью «Я не спорю, я просто объясняю, почему я прав», с грохотом спустился на кухню. Он был точной моей копией, только в мужской, подростковой, максимально ершистой версии. Такой же высокий, немного сутулый, с вечно взлохмаченными русыми волосами, которые при определенном освещении отливали рыжиной. — Может, он вычисляет площадь захвата мира? Это был инженерный калькулятор! Мне его папа подарил на прошлый Новый год! Вместо нормального подарка, между прочим.

Последняя фраза была брошена с особым упреком. Лев Борисович считал, что лучший способ воспитать гения — это дарить ему вещи, которые стимулируют мозг. Игровую приставку он называл «деградатором интеллекта», а кроссовки — «бессмысленной тратой ресурсов на бренды». Зато квантовый калькулятор, способный, кажется, рассчитать траекторию полета на Марс, — это пожалуйста.

В этот момент на лестнице, ведущей с мансарды, показалось нечто. Сначала появились две огромные, наглые, рыжие лапы. Затем — толстое полосатое туловище, лениво перетекающее со ступеньки на ступеньку, словно меховая амеба. И, наконец, круглая, наглая морда с зелеными глазницами, в которых светилась вся мудрость мира и миллиона съеденных сосисок. Кот Борщ. Названный так в честь моего коронного блюда. Во рту он, с величайшей осторожностью, нес ту самую пропажу.

Кот неторопливо прошествовал на кухню, проигнорировав возмущенный вопль Егора, и с глухим стуком выронил калькулятор прямо в свою миску с водой.

— Вот! Я же говорил! — завопил Егор.

Борщ поднял на него свои изумрудные глаза, полные презрения ко всему человечеству, не умеющему пользоваться лотком вовремя, и начал лакать воду поверх калькулятора, словно это был самый обычный, гастрономический ритуал. Мол, чем вы тут возмущаетесь? Я просто приправляю воду вашими жалкими технологиями.

— Он его маринует, — изрекла я, наблюдая за этой картиной. — Готовит из него ужин.

— Очень смешно, мам. Просто юмористический стендап, — проворчал Егор, брезгливо, двумя пальцами выуживая гаджет из кошачьей миски. — Если он сломался, я не знаю, что я с ним сделаю.

— Ничего ты с ним не сделаешь, — вздохнула я. — Потому что Борщ — единственный мужчина в этом доме, который хоть как-то участвует в готовке.

Это была чистая правда. Кот обожал сидеть на кухонном столе и гипнотизировать взглядом мои руки. Каждый раз, когда я разбивала яйцо, его зрачки расширялись, как у наркомана при виде дозы. Я иногда давала ему лизнуть венчик из-под теста, и в такие моменты он мурчал, как трактор «Беларусь». Наша связь была кулинарной и нерушимой.

— Кстати, о готовке, — Егор, вытирая калькулятор краем моей футболки, бросил на меня свой фирменный взгляд исподлобья. — Что на завтрак? Кроме дохлого блога и горького кофе?

Это был удар под дых. Но я его заслужила. Я развела руками, указывая на пустой холодильник, который сиротливо гудел в углу, словно оплакивая нашу судьбу.

— На завтрак у нас сегодня воздух. С ароматом отчаяния. И остатки овсянки, которую никто не доел в пятницу.

— Отлично. Просто пять звезд Мишлен, — Егор плюхнулся на табурет, отчего тот жалобно скрипнул. — Я поем в школе. Если мне хватит денег. Кстати, о деньгах. Мне нужно сдать триста рублей на охрану.

— На какую охрану? — я чуть не поперхнулась кофе. — От кого вас охранять?

— От нас, наверное, — философски заметил сын, почесывая Борща за ухом. Кот, все еще не простивший извлечения кулинарного инвентаря из своей миски, презрительно дернул ухом, но не ушел. — Говорят, в прошлом году семиклассники пытались украсть из кабинета физики скелет. Вынесли его на улицу, пристегнули к велосипедной парковке и забыли. Утром уборщица поседела.

Я представила эту картину и, несмотря на всю безысходность, улыбнулась. Жизнь — странная штука. Вот она бьет тебя по голове квитанциями и смс от мужа-хирурга, а через секунду подкидывает историю про украденный скелет, и ты уже не можешь не смеяться. Наверное, это и есть мой главный талант — находить смешное в безнадежном.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала я Егору, и самой себе. — У меня сегодня важная встреча. Почти работа.

Это было правдой лишь наполовину. Вчера вечером, когда я в двадцатый раз смотрела на свой пустой блог и думала, не сфотографировать ли мне Пончика в кулинарном колпаке (идея была так себе, колпака у нас не было, а Пончик съел бы его раньше, чем я нажала бы на затвор), раздался звонок. Номер был незнакомым. Звонила какая-то женщина. Голос у нее был сладкий, как патока, но с неприятным скрежещущим послевкусием. Она представилась Ингой и сказала, что она «большой поклонник моего уникального таланта».

— Моя сестра, Вероника Миланская, — произнесла она с той особой интонацией, с которой говорят о членах королевской семьи, — ищет человека с безупречным вкусом для организации очень важной, очень приватной вечеринки. Ей нужен не просто повар. Ей нужен художник. Человек, который понимает эстетику. Который сможет превратить здоровую пищу в произведение искусства. Увидев ваши работы... ну, те, что постарше, в журналах... я сразу поняла, что вы — та самая.

Услышав слово «бюджет», я чуть не выронила трубку. Сумма, которую назвала Инга, превышала мой потенциальный доход от блога за ближайшие пять лет. Это был спасательный круг. Нет, это был целый спасательный крейсер, брошенный мне в бурное море финансового краха. Я согласилась сразу, даже не уточнив детали. Какая разница, что за вечеринка? Может, они хотят, чтобы я выложила из пророщенных зерен портрет их любимой чихуахуа? Да хоть Джоконду из тофу! За такие деньги я готова была на всё.

— Сегодня в полдень, — сказала я Егору, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я еду на встречу с самой Вероникой Миланской. Это, сынок, шанс. Большой шанс.

Егор скептически хмыкнул. Он уже включил свой ноутбук и стучал по клавишам с такой скоростью, будто хотел пробить в нем дыру. На экране мелькали ряды кода, которые я не могла понять, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

— Вероника Миланская, — задумчиво произнес он, не отрываясь от экрана. — Это та, которая ведет блог «Идеальная жизнь с Вероникой»? Мам, ты серьезно? Ты хочешь работать на женщину, которая делает маски для лица из собственноручно выращенных огурцов и утверждает, что сахар — это «белая смерть»? Да она же тебя съест. И даже соуса не попросит.

— Не говори ерунды, — отмахнулась я. — И вообще, следи лучше за своим котом и своим калькулятором. А мне нужно собираться. И выглядеть на миллион.

На самом деле выглядеть мне нужно было хотя бы на ту сумму, которую я надеялась получить. И это была серьезная проблема. Мой гардероб, в который Лев Борисович когда-то вкладывал баснословные суммы, утверждая, что «жена пластического хирурга — это его витрина», остался в московской квартире. Вместе с мужем и его фитнес-тренершей. С собой я забрала только самое необходимое: два свитера, джинсы, старое пальто и одно-единственное платье. Коктейльное, черное, от Стеллы Маккартни. Я купила его три года назад на распродаже и чувствовала себя в нем так, будто взяла в аренду чужую, более успешную жизнь.

Я поднялась в свою крошечную спальню, которая по совместительству была гостиной и гардеробной. Пончик, решивший, что утренняя буря миновала, вылез из-под дивана и теперь следовал за мной по пятам, как хвостатый эскорт. Платье висело в шкафу, как напоминание о прошлой жизни. Я надела его, встав перед мутноватым зеркалом, привезенным еще с воро-нежской квартиры моей бабушки.

Из зеркала на меня смотрела высокая, худая женщина с рыжеватыми волосами, торчащими во все стороны, несмотря на все мои попытки пригладить их расческой. Платье сидело идеально, подчеркивая фигуру. Уши и правда слегка оттопыривались, но я решила, что это придает мне шарма. Шарм немного испуганной лани, застигнутой фарами автомобиля по имени «Жизнь».

— Ну как, Пончик? — спросила я у мопса, который сел у моих ног и склонил голову набок, пристально глядя на меня своими черными, блестящими глазами-бусинами. — Похожа я на фуд-художника?

Пончик засопел и пустил слюну на мою единственную пару приличных туфель. Я восприняла это как одобрение.

Через час, оставив детей под присмотром вселенной и строгим наказом не сжечь дом, я уже сидела в нашем стареньком «Фольксвагене», который заводился только с пятой попытки и только после ласкового поглаживания руля. Машина пахла кофе, псиной (Пончик обожал кататься) и едва уловимым ароматом корицы. Я вбила в навигатор адрес, который мне скинула Инга: коттеджный поселок «Сосновый рай», улица Эдемская, дом 7.

— Эдемская, — хмыкнула я, выруливая на главную дорогу поселка. — Ну конечно. Интересно, там змей-искуситель в комплекте или за дополнительную плату?

«Сосновый рай» был именно таким, каким его представляешь, услышав это слащавое название. Высоченные, ухоженные сосны, идеально ровные газоны, ни одной соринки на дорожках из брусчатки. Дома здесь напоминали дворцы из Architectural Digest — один причудливее другого. Я миновала особняк в готическом стиле с горгульями на воротах, затем — хай-тек коробку с тонированными стеклами от пола до потолка, и наконец подъехала к дому номер семь.

Это был храм. Иначе я не могла это назвать. Храм идеальной жизни. Огромный белый особняк в стиле минимализма с панорамными окнами, сквозь которые были видны интерьеры, достойные обложки журнала «Искусство жить». Везде стекло, хром, светлое дерево. В идеально подстриженных садах цвели какие-то немыслимые белые розы. Даже воздух здесь пах иначе — не бензином и пылью, а свежескошенной травой, хвоей и, кажется, деньгами. Очень большими деньгами.

Я припарковалась у массивных ворот и вышла из машины, чувствуя себя полным ничтожеством. Мои туфли, которые Пончик пометил слюной, казались мне сейчас дешевыми тапками с рынка. Я одернула платье, поправила волосы, глубоко вздохнула, представляя, как вдыхаю весь кислород и всю уверенность, которая мне только может понадобиться, и нажала кнопку звонка на воротах.

Мелодичный перезвон разнесся по саду. Через секунду динамик ожил, и женский голос — тот самый, сладкий, с нотками металла, — произнес: «Алиса? Проходите, пожалуйста. Калитка открыта. Идите по главной дорожке прямо к зимнему саду».

Калитка щелкнула и отворилась. Я шагнула на территорию «Эдема». Гравий приятно хрустел под ногами. Вокруг жужжали пчелы, деловито опыляя идеальные цветы. Я шла, вертя головой, и чувствовала себя Алисой в Стране чудес, только вместо кроличьей норы меня ждал особняк королевы. Вероники Миланской.

Зимний сад примыкал к дому с левой стороны. Это была огромная пристройка из стекла и металла, внутри которой буйствовала зелень. Монстеры, фикусы, орхидеи — всё цвело и пахло. Через стекло я увидела ее. Веронику.

Она стояла ко мне спиной, у огромной, сверкающей белизной кухонной столешницы. Высокая, стройная, как тростинка, в легком льняном костюме цвета топленого молока. Ее светлые, почти платиновые волосы были собраны в идеальный низкий пучок. Она двигалась с грацией балерины, что-то смешивая в блендере. Вокруг нее, как спутники вокруг планеты, вились какие-то баночки, скляночки, пучки трав и блестящие гаджеты для здорового питания.

Я подошла ближе к стеклянной двери и уже хотела постучать, как вдруг заметила кое-что еще. Сбоку, почти скрытая огромным листом монстеры, в тени, стояла фигура. Человек. Он стоял абсолютно неподвижно и смотрел на Веронику. Я не могла разглядеть лица — только темный силуэт. Но что-то в его позе, в этой полной, застывшей неподвижности заставило меня замереть. Это не был взгляд любопытства или ожидания. Это был взгляд... собственника? Хищника, изучающего свою жертву перед последним, решающим броском.

Мне стало не по себе. Холодок пробежал по спине, несмотря на теплое солнце, льющееся сквозь стекла сада. Я тряхнула головой, отгоняя наваждение. Глупости. Наверное, просто садовник. Или помощник. Или гуру Святозар, о котором Инга упоминала вскользь, с той же интонацией, с какой говорят о неизбежном зле.

Я постучала костяшками пальцев по стеклянной двери. Звук вышел глухим и каким-то жалобным. Вероника не обернулась — видимо, не услышала из-за шума блендера. Но силуэт за листом монстеры шевельнулся. На секунду мне показалось, что он сейчас выйдет на свет, и я наконец увижу его лицо. Но вместо этого он просто... исчез. Растворился в зелени, словно его и не было.

Я пожала плечами и взялась за дверную ручку. Она была холодной. Я потянула на себя, и дверь с легким шипением отворилась, впуская меня внутрь зимнего сада.

И в этот самый момент блендер замолчал. В наступившей внезапно тишине раздался звон разбитого стекла. Я подняла глаза и увидела, как Вероника Миланская, все еще стоя ко мне спиной, вдруг покачнулась. Ее рука, только что державшая высокий стакан с изумрудной жидкостью, разжалась. Стакан рухнул на каменный пол, разлетевшись на тысячу сверкающих брызг. А затем сама Вероника, словно в замедленной съемке, начала оседать, хватаясь рукой за край столешницы. Миска с какой-то зеленью слетела на пол вслед за стаканом. Ее стройное тело в льняном костюме конвульсивно дернулось, выгнулось дугой и рухнуло на колени прямо в осколки стекла и зеленую жижу.

Я застыла на пороге. Воздух застрял у меня в горле. Я хотела закричать, позвать на помощь, броситься к ней, но не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Все, что я могла, — это смотреть. И вдыхать.

Мой нос, мой проклятый, уникальный нос, работающий как высокоточный газовый хроматограф, начал анализировать запахи раньше, чем мой мозг осознал, что произошло. Я чувствовала запах разбитых листьев кинзы — приторный, мыльный. Я чувствовала запах сельдерея, свежего огурца, дорогого парфюма с нотами белого мускуса и ландыша. А еще... что-то еще.

Что-то, чему здесь было совершенно не место.

Тонкий, едва уловимый, горьковатый аромат. Запах, который я не могла спутать ни с чем в мире. Запах горького миндаля.

Я смотрела на скрюченное на полу тело Вероники Миланской, на ее застывшее в маске удивления фарфоровое лицо, и вдруг с ужасающей, ледяной ясностью поняла две вещи.

Первая: Вероника Миланская, королева «Идеальной жизни», мертва.

И вторая: тот, кто стоял в тени за листом монстеры, знал, что это произойдет. Потому что это был не несчастный случай. Это было убийство. Идеальное убийство, совершенное в идеальной тишине идеального дня. А единственный свидетель, который мог это понять по запаху, — это я, Алиса Жирафова. Высокая, нескладная, рыжая, в платье от Стеллы Маккартни и туфлях, обслонявленных мопсом.

Моя рука, все еще сжимавшая дверную ручку, побелела от напряжения. Я открыла рот, чтобы закричать. И закричала.

Это был самый громкий, самый отчаянный и самый безнадежный крик за всю мою жизнь. Крик, который разорвал тишину «Соснового рая» на мелкие кусочки. Крик, с которого начался мой путь. Путь, который должен был привести меня либо к убийце, либо в могилу. Потому что тот, кто смог повернуть такое, не остановится ни перед чем.

И, судя по запаху горького миндаля, который всё еще щекотал мои ноздри, он был где-то рядом. Очень, очень рядом.

Глава 2. В которой майор Демидов не верит в мой нос, а я начинаю верить в убийство.

Говорят, время лечит. Говорят, оно затягивает раны и притупляет боль. Врут. Всё врут. Время не лечит. Время — это просто бесконечная, вязкая патока, в которой ты барахтаешься, пока мир вокруг тебя несется с бешеной скоростью. Или наоборот — мир замирает, а ты несешься в тартарары. В те первые минуты после того, как тело Вероники Миланской рухнуло на пол ее идеальной кухни, время для меня перестало существовать в привычном понимании. Оно раскололось на тысячу осколков, острых и блестящих, как тот разбитый хрустальный стакан.

Я не помню, как долго я стояла на пороге. Минуту? Час? Вечность? Помню только свой собственный крик, который, казалось, звенел в воздухе, отражаясь от стеклянных стен зимнего сада, и который я не могла остановить, даже когда в легких закончился воздух. Крик оборвался сам собой, сменившись судорожным, рваным вдохом. В этом вдохе снова был он — этот проклятый, едва уловимый, горький аромат. Запах миндаля, который преследовал меня, словно призрак.

А потом всё пришло в движение. Хлопнула дверь в глубине дома. Послышался топот ног. Много ног. Они бежали по мраморным полам, по деревянным лестницам, создавая какофонию звуков, которые эхом разносились по огромному, стерильному пространству. Я, наконец, смогла оторвать руку от дверной ручки и шагнуть внутрь.

— Вероника! — раздался истошный, полный неподдельного ужаса женский визг. Этот голос я узнала. Инга. Та самая, с паточным голосом, который сейчас сорвался на фальцет.

Она влетела в зимний сад с другой стороны, из главного дома. За ней, чуть не сбив ее с ног, вбежал высокий, широкоплечий мужчина в идеально сшитом темно-синем костюме. Лицо его, холеное и породистое, было белее мела. Аркадий Берг. Муж. Олигарх. Хозяин этого стеклянного храма. Он застыл на секунду, увидев тело жены на полу, и из его горла вырвался странный, сдавленный звук — не то стон, не то рычание. Он бросился к ней, рухнул на колени прямо в осколки и зеленое месиво, совершенно не заботясь о своих брюках ценой в мою годовую аренду «шале».

— Вызовите скорую! — рявкнул он, тряся жену за плечи. — Вероника! Вероника, очнись! Кто-нибудь, сделайте что-нибудь!

Я стояла, приросшая к месту, и смотрела на эту сцену со стороны, словно в дешевом театре, куда случайно забрела с улицы. Всё было неправильно. Его горе было бурным, громким, почти театральным. Он прижимал ее безжизненное тело к своей груди, его плечи вздрагивали. Но я не слышала слез. Я не видела их на его лице. Может, шок? Может быть. Но мой внутренний камертон, настроенный на фальшь еще со времен замужества за пластическим хирургом, выдавал тревожную ноту «ля».

Инга рыдала, прижав ладони к щекам. Ее тушь потекла, оставляя черные дорожки на идеально напудренном лице. «Я же говорила ей, — причитала она сквозь рыдания. — Говорила, что эти диеты до добра не доведут! Она же ничего не ела! Только свою траву и эти жуткие порошки! Сердце! У нее всегда было слабое сердце!»

Я перевела взгляд с убитой горем сестры на тело на полу. Слабое сердце? Возможно. Но мой нос кричал мне о другом. Он, словно взбесившийся геигеров счетчик, фиксировал малейшие колебания в атмосфере. Горький миндаль. Цианид. Я была уверена в этом на сто процентов, потому что однажды, лет десять назад, на заре моей карьеры, я работала над проектом для фармацевтической компании. Это была реклама нового антидепрессанта, и съемки проходили в их лаборатории. Мне нужно было сфотографировать колбы, реторты и прочую химическую романтику. И там, в одной из герметичных камер, мне дали понюхать крошечный пузырек. «Не бойтесь, — сказал тогда химик, молодой парень в очках, — это просто учебный образец. Слабый раствор. Но запах запомните на всю жизнь». Я запомнила. Этот сладковатый, приторный запах, который на самом деле является криком молекул синильной кислоты, навсегда впечатался в мою обонятельную память. И сейчас он был здесь.

— Это не сердце, — произнесла я. Мой голос прозвучал хрипло и чуждо, словно я сто лет не разговаривала.

Аркадий Берг медленно, очень медленно поднял голову и посмотрел на меня. Его глаза были красными, но сухими. Он смотрел так, будто только что заметил мое присутствие.

— Что? — переспросил он, и в его голосе прозвучала сталь, моментально разрезавшая его же театральные рыдания. — Вы кто такая? Что вы здесь делаете?

— Я... — я запнулась, сжимая в руках свою папку с меню. Она стала моим спасательным кругом, моим удостоверением личности в мире, который только что сошел с ума. — Я Алиса Жирафова. Повар. Меня наняла... Инга меня наняла. Для вечеринки. Я пришла обсудить меню. И я говорю, что это не сердце.

— Что за чушь! — взвизгнула Инга, подлетая ко мне. Ее лицо исказилось смесью ужаса и гнева. — Вы кто такая, чтобы ставить диагнозы?! Вы врач?! Вы видели, сколько она работала?! Она изнуряла себя! У нее было давление!

— Я не врач, — тихо, но твердо сказала я, выдерживая ее взгляд. — Я фуд-фотограф. И я чувствую запах.

— Запах? — Берг поднялся с пола. Он возвышался надо мной, как скала. От него пахло дорогим парфюмом, кожей и едва уловимо — чужими духами. Женскими. Сладкими, с нотой гардении. Секретарша? Любовница? — Какой еще запах?

— Горького миндаля, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Цианид. Мне кажется, ее отравили.

В зимнем саду повисла такая тишина, что я слышала, как под чьей-то ногой хрустнул крошечный осколок стекла. Берг побледнел еще больше, если это вообще было возможно. Инга перестала рыдать и уставилась на меня с открытым ртом, в котором блеснула золотая коронка.

— Циа... — начал было Берг, но его прервал звук сирен. Скорлупа идеального мира «Соснового рая» треснула, впуская внутрь вой сирен и суровую реальность в лице двух машин: реанимобиля и полицейского «Форда».

Дальше всё снова превратилось в хаос. Врачи, которые через три минуты безуспешных попыток реанимации констатировали смерть. Полицейские, которые начали оцеплять место происшествия, выставя всех — меня, Берга, Ингу и появившегося откуда-то бледного садовника — в гостиную. Обыски. Вопросы. Я сидела на краешке огромного белого дивана, боясь испачкать его своим платьем, и смотрела на свои руки. Они дрожали.

А потом приехал он. Майор Демидов.

Я сразу поняла, что это он, хотя он не представился. Просто атмосфера в доме сгустилась еще на пару атмосфер. Он вошел в гостиную, и казалось, что вместе с ним в комнату вполз холодный, сырой ветер с подмосковных болот, который начисто выдул весь этот приторный запах благополучия и лавандовых свечей. На вид ему было около сорока пяти. Высокий, сутуловатый, в мятом сером плаще, который он не снял даже в доме. Лицо у него было уставшее, с глубокими складками у рта и на переносице. Темные волосы с проседью были взлохмачены,

будто он только что проснулся и забыл причесаться. Но глаза... Глаза у него были цепкие, холодные, цвета мокрого асфальта, которые, казалось, видели всё и всех насквозь и уже давно ничему не удивлялись. Он остановился посреди гостиной, засунул руки в карманы плаща и обвел нас долгим, оценивающим взглядом, от которого мне захотелось стать маленькой и незаметной, как Пончик под диваном.

— Майор Демидов, — произнес он низким, прокуренным голосом, который совершенно не вязался с роскошным интерьером. — Уголовный розыск. Итак, кто здесь у нас самый разговорчивый?

Он выслушал сбивчивые, рыдающие показания Инги о больном сердце и диетах. Выслушал сухие, чеканные фразы Берга о том, что его жена была «абсолютно здорова» и «это какая-то ужасная, трагическая случайность». Все это время он стоял, чуть покачиваясь с пятки на носок, и лицо его не выражало ровным счетом ничего. Затем его взгляд упал на меня. Я сжималась на диване, сцепив пальцы в замок.

— А это что за рыжая нимфа? — спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно, кивнув в мою сторону. — Тоже из домашнего персонала?

— Это повар, — сквозь зубы процедил Берг. — Она пришла обсудить меню. И она что-то несла про какой-то нелепый запах. Утверждает, что мою жену отравили.

Демидов на мгновение замер. Его брови чуть приподнялись, но это было единственное изменение в его скужающей физиономии. Он медленно, словно хищник, подошел ко мне. Я почувствовала запах табака, дешевого одеколона и еще чего-то неуловимого. Запах усталости? Опасности? Он остановился прямо передо мной, глядя сверху вниз.

— Травили, значит? — протянул он с непередаваемой иронией в голосе. — И какой же яд, позвольте полюбопытствовать, вы учуяли своим очаровательным носиком? Мышьяк? Цианид? Яд кураре, от которого папуасы Новой Гвинеи концы отдают?

Он откровенно издевался. Я чувствовала, как краска заливает мои щеки. Я подняла на него глаза и постаралась ответить как можно тверже, хотя голос предательски дрожал.

— Цианид, — сказала я. — Он пахнет горьким миндалем.

В комнате кто-то нервно хмыкнул. Кажется, Инга. Демидов склонил голову набок, разглядывая меня, как диковинное насекомое.

— Горьким миндалем, — повторил он за мной по слогам, смакуя каждое слово. — Вы только послушайте. Горьким миндалем! А вы знаете, гражданка... э-э-э... как вас там?

— Жирафова, — пролепетала я. — Алиса Львовна.

Демидов моргнул. Ему показалось, что он ослышался.

— Как-как? — переспросил он.

— Жи-ра-фо-ва, — отдельно, чуть громче, чем нужно, повторила я, чувствуя, как начинают гореть кончики моих и без того оттопыренных ушей. — Ну, как животное.

Он смотрел на меня секунду, другую, и вдруг уголок его рта дернулся в подобии кривой усмешки.

— Алиса Львовна Жирафова, — протянул он, смакуя это имя как дорогой коньяк. — Специалист по ядам с уникальным нюхом. Ну, просто мисс Марпл из Подмосковья. Так вот, Алиса Львовна, позвольте вам сообщить пренеприятнейшее известие. Во-первых, цианистый калий пахнет миндалем далеко не для всех. Это генетическая особенность. Примерно сорок процентов населения этого запаха не чувствуют. Так что ваш аргумент — это рулетка. Во-вторых, даже если вы и относитесь к этим счастливчикам, в смузи из сельдерея, петрушки и еще черт-те-знает-какой дряни, которую, как мне доложили, пила покойная, запах миндаля мог дать десяток других ингредиентов. Вы знали, что некоторые сорта яблочных семечек пахнут при измельчении точно так же? Или, например, косточки абрикоса, которые так любят добавлять в эти вот органические смеси? Это, девушка, называется наука. А вы мне тут детектив Агаты Кристи разыгрываете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.